

Сириус обнаружил эту кофейню в прошлом месяце.

В тот день он ушел из дома Поттеров и не хотел никого видеть.

Он долго бродил по улицам, пока не заныли ноги, и машинально толкнул первую попавшуюся дверь.

Кофейня оказалась крошечной, всего с десятком столиков. На стенах висело несколько магловских картин маслом, а старик за барной стойкой лишь бросил на него мимолетный взгляд и продолжил протирать стакан.

Если верить популярному у маглов утверждению о том, что клиент всегда прав, этого старика определенно следовало бы внести в черный список.

Но Сириусу здесь нравилось.

Он заказал чашку черного кофе, сел у окна и просто так, без всякой цели, тупо смотрел на платаны за стеклом.

По правде говоря, кофе был отвратительным — горьким до вязости, словно опилки, размоченные в воде; от каждого глотка горло непроизвольно сжималось.

Но он просидел там целое последование.

Позже он возвращался туда еще несколько раз. Не потому, что кофе был хорош, а потому, что старик никогда не спрашивал: «Чего это ты опять приперся?»

Сириус приходил — старик протирал стакан.

Сириус садился — старик протирал стакан.

Сириус уходил — старик все так же протирал стакан.

Казалось, будто Сириуса не существует вовсе, будто в этой кофейне есть только старик и стаканы, а все остальные — пустые места, прозрачные призраки, которые умеют сами садиться и сами вставать.

Старику за стойкой на вид было за семьдесят, а его волосы были белыми, как взбитая сахарная вата.

На переносице держались очки с линзами толщиной в донышко бутылки, и глаза за ними

казались совсем крошечными, словно две черные фасолины, замурованные в стеклянные шарики.

Сириус ни разу не видел, чтобы старик улыбался — дело даже не в том, что тот выглядел угрюмым, просто на его лице в принципе не отражалось никаких эмоций. Клиент входит — поднимает глаза на секунду; кофе готов — ставит на стойку; берет деньги, отсчитывает сдачу и продолжает тереть стакан.

Его душевное состояние напоминало отутюженную простыню — ни складочки, ни единого изгиба.

В самый первый визит Сириус довольно долго стоял у барной стойки, прежде чем старик неспешно повернулся к нему.

— Чего пить будешь?

Это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

Тон был настолько бесцветным, будто старик рассуждал о том, что сегодня идет дождь или что на улице уже стемнело.

Сириус ответил: черный кофе. Старик, словно получив четкую команду, развернулся и принялся варить кофе.

Когда напиток подали, обошлись даже без подставки — кружку просто швырнули на стойку, и кофейный след оставил на деревянной поверхности круглую кляксу.

Позже он заметил, что под каждым стаканом отпечатывались круги разных цветов. И старик их никогда не вытирал. Эти круги напоминали годовичные кольца дерева — одно поверх другого, темные и светлые.

Однажды Сириус не выдержал и бросил:

— А это вы не вытираете?

Старик глянул на него и снова уткнулся в свой стакан.

Мерлиновы вонючие чашки, кто бы мог подумать — это оказался самый длинный ответ, которого он от него дождался.

Ему нравилось это заведение. Здесь от него никто ничего не требовал, не нужно было ни с кем

разговаривать. Старику было всё равно. Кофейне тоже.

И платанам за окном — тем более.

Сидя здесь, он мог просто оставаться самим собой — шестнадцатилетним парнем, который понятия не имеет, чем заняться, не хочет возвращаться домой и слегка от всего устал.

Шел день, была среда, вторая половина дня.

Вспоминая об этом позже, Сириус понимал, что в ту среду не было ничего особенного.

И тем не менее, это было начало, вполне заслуживающее этого слова.

В Лондоне стояла пасмурная погода, ветер почти не дул.

В гостиной дома Поттеров Джеймс развалился на диване, листая «Квиддич сквозь века» — потрепанную, с загнутыми углами книгу, на обложке которой красовался чей-то расплывчатый отпечаток ботинка.

Джеймс откопал ее в каком-то букинистическом магазинчике в Лютном переулке всего за пять сиклей, а одноглазый торговец клялся и божился: «Да эта книжонка в те годы...» Дальше Джеймс слушать не стал и просто сунул ему деньги.

Вернувшись домой, он три дня изучал покупку и обнаружил, что описанные там вещи имеют мало общего с реальной обстановкой на Квиддичном поле. Однако признать, что книга — полная туфта, его гордость не позволяла.

— Уж в этом-то году я точно раскатаю ловца Когтеврана в лепёшку, — бормотал он, водят пальцем по странице. — Я три года изучал его манеру: когда он берет влево, его реакция замедляется ровно на полсекунды...

— Ты изучал это три года ради такого жалкой догадки? — Сириус лениво прислонился к спинке дивана, перелистывая «Придиру», но осилил всего три страницы и бросил.

Джеймс ткнул книгой ему прямо в лицо:

— Сам посмотри, что тут написано...

— Не собираюсь.

— Ты не читаешь про квиддич, ты не читаешь журналы — чем ты вообще целыми днями

занимаешься?

Сириус не ответил. Он уставился на трещину на потолке — разглядывал ее уже несколько секунд, — затем бросил «Придиру» поверх поттеровского «Квиддича сквозь века» и поднялся на ноги.

Взгляд Джеймса невольно скользнул по часам на стене. Стрелки показывали час дня. Что ж. Домашний неигровой персонаж отправляется на выход.

Это самое NPC Лили как-то произнесла вслух, а Джеймс подхватил и теперь пихал к месту и не к месту:

Он звал профессора Макгонагалл NPC, профессора Флитвика NPC, даже бекон на завтрак заслужил звание NPC — пока Лили не одарила его таким уничтожающим взглядом, что ему пришлось сменить лексикон.

— Опять к своему чокнутому старику?

— Никакой он не чокнутый.

— Ну да, владелец забегаловки, где кофе больше похож на помои, хозяин вечно трет стаканы, а твое присутствие ничем не отличается от отсутствия, — Джеймс принялся загибать пальцы. — Кофе дрянь, хозяин неразговорчив, стулья деревянные до жути. Ума не приложу, как наш высокородный юный господин Блэк может там высиживать.

Сириус уже дошел до двери.

— Нормальный кофе.

— Ты в прошлый раз говорил, что он как помои.

— Я сказал «так себе».

— Какая разница.

Сириус взялся за ручку.

— Эй, — крикнул Джеймс ему в спину. — Этот старик вообще немой? Я же ходил с тобой, и за всё время он не произнес ни звука!

— Он не немой.

— И что, он с тобой хоть раз разговаривал?

Сириус на секунду замер.

— Разговаривал.

— И что сказал?

Сириус промолчал и захлопнул дверь. Голос Джеймса приглушенно донесся сквозь толщу дерева:

— И это тоже государственная тайна...

— Пока, — раздался приглушенный голос Сириуса из-за двери.

Пока? Джеймс опешил. С каких это пор Сириус стал таким вежливым?

Он знал его уже пять лет, но Сириус Блэк отродясь не говорил «пока».

Он бросал «я свалил», «увидимся», «до завтра» или «проваливай».

Но никогда — «пока».

Это слово звучало слишком официально, слишком похоже на те привычки, которые он притащил с собой из родового гнезда Блэков.

Тут Джеймса озарило. Он расхохотался — неужели всё?

Ходил столько раз и выдавил из себя всего одно «пока»? Он заорал на закрытую дверь:

— Да он небось только и молится, чтобы ты больше не возвращался!

Снаружи никто не ответил, лишь ветер заставил щель в двери жалобно скрипнуть. Джеймс с улыбкой покачал головой, снова устроился на диване и раскрыл потрепанный «Квиддич сквозь века».

Когда Сириус завернул за угол, его шаги на мгновение замедлились.

В той кофейне была целая стена из панорамного стекла. У самого окна, отбрасывая тени на

стекло, раскинулся платан — именно за этим столиком он всегда сидел.

И что же? Его место было занято.

Узурпаторшей оказалась девчонка с копной огненно-рыжих волос, наряженная в свободную худи с капюшоном, завязки которого свисали неровными концами — один длиннее другого.

Она склонила голову над журналом, подперев щеку рукой; пальцы легко постукивали по скуле, будто она отбивала ритм, слышный только ей одной.

Сириус уже собирался толкнуть дверь, как вдруг она подняла голову. Их взгляды неожиданно столкнулись сквозь стекло.

Словно два стеклянных шарика катились по столу да и врезались друг в друга с резким звуком.

Кролла на секунду замерла, а затем расплылась в улыбке, сощутив глаза.

Она отложила журнал,дохнула на стекло, оставляя на нем мутное белесое пятно, и кончиком пальца неторопливо вывела кривоватые буквы: *h e l l o*.

На букве «l» ее палец чуть задержался, и эта вертикальная черта получилась особенно длинной, тянущейся от самого низа вверх.

Затем она наклонила голову, глядя на него, и в ее глазах сиплялось лукавство.

Сириус застыл снаружи, глядя на это кривое «hello».

Пятно на стекле уже таяло, по краям букв собирались крошечные капельки воды, медленно стекая вниз. А она сидела там, прямо за этой исчезающей надписью, и смотрела на него с улыбкой.

Он изучал ее пару секунд, после чего отвел взгляд и едва заметно усмехнулся. Коротко, словно выдохнув носом. Не от удивления, а так: «Ладно, твоя взяла».

Снова подняв глаза, он посмотрел на нее и беззвучно, одними губами, произнес два слова.

Он толкнул дверь, и над входом звякнул колокольчик.

<http://bllate.org/book/22381/2348034>